

левство. Самая большая радость, какая у меня есть на этом свете, – это чувствовать ее у себя на груди.

Сеньор де Монморанси, который сам руку дамы предпочел бы ее перчатке, похвалил великое благородство его души, сказав, что это пример самой удивительной любви, какую только ему приходилось видеть в жизни, и что он считает собеседника своего достойным лучшего обращения. Ведь владелец перчатки так высоко чтит подобную безделицу, что, если в руки его попадет нечто большее, он может умереть от радости. Выслушав сеньора де Монморанси, лорд согласился с ним, нимало не догадавшись, что тот над ним просто подсмеивается.

– Если бы все мужчины вели себя так благородно, дамы могли бы им вполне доверять, да и стоило бы им это только перчатки.

– Я хорошо знал сеньора де Монморанси, – сказал Жебюрон, – и я уверен, что он не стал бы жить так, как этот англичанин; ежели бы он довольствовался столь малым, он не испытал бы тех радостей любви, которые достались на его долю; ведь в старинной песенке говорится:

*Никогда влюбленному трусу
Не стяжать себе доброй славы.*

– Обратите внимание вот на что, – сказал Сафредан, – как только эта бедная женщина почувствовала, что сердце у него так бьется, она мгновенно отдернула руку. Она ведь считала, что он может умереть, – а, говорят, женщины больше всего боятся прикоснуться к покойнику.

– Если бы вы столько бывали в больницах, сколько вы бываете в тавернах, – сказала Энна-сюита, – вы бы так не говорили, вы бы увидели, что женщины обряжают покойников, до которых мужчины при всей их храбрости боятся дотронуться.

– Действительно, нет ни одного человека, – сказал Сафредан, – которому не пришлось бы расплачиваться за полученные удовольствия и страдать тем больше, чем больше он в свое время наслаждался. Так было с одной девушкой, которую мне довелось встречать в одном порядочном доме: чтобы заплатить за наслаждение, которое она получила, целуя любимого человека, ей пришлось в четыре часа утра целовать бездыханное тело убитого накануне дворянина, которого она ни капельки не любила. И тогда каждый понял, что этим она искупает великое наслаждение. Коль скоро мужчины не умеют ценить все творимое женщинами добро, я считаю, что их и вообще-то никогда не следует целовать – ни живых, ни мертвых, разве только в тех случаях, когда нам это велит господь.

– Что до меня, – сказал Иркиан, – то мне так мало дела до всяких поцелуев, кроме поцелуев моей жены, что я готов согласиться на все что угодно. Жаль только людей молодых, которых вы лишаете последних радостей, пренебрегая заповедью апостола Павла,³⁹⁰ который велит приветствовать друг друга in osculo sancto.³⁹¹

– Если бы апостол Павел был таким, как вы, – сказала Номерфида, – мы непременно захотели бы удостовериться, действительно ли в нем говорит дух господень.

– Выходит, что вы готовы усомниться в Священном писании, – сказал Жебюрон, – лишь бы не поступиться своими предубеждениями.

– Упаси боже, чтобы мы стали еще сомневаться в Священном писании, – сказала Уазиль. – Но мы не очень-то верим всей вашей лжи. Нет ни одной женщины, которая не знала бы обстоятельно, как она должна поступать; никогда не сомневаться в слове божьем – точно так же, как не принимать на веру слова мужчин.

– А по-моему, – сказал Симонто, – на свете больше мужчин, обманутых женщинами, чем женщин, которых обманули мужчины. Женщины любят нас недостаточно и поэтому нам не верят, мы же любим их такой огромной любовью и до того готовы верить всем их выдумкам, что бываем обмануты ими гораздо раньше, чем заподозрим этот обман.

– Можно подумать, что вам пожаловался какой-нибудь дурак, которого обманула сумасбродка, – сказала Парламанта, – тому, что вы говорите, поверить совершенно невозможно, и надо, чтобы вы подтвердили ваши слова примером. Поэтому, если вы знаете такой случай, я передам

³⁹⁰ Ссылка на Послание к римлянам (XVI, 16).

³⁹¹ Целованием святым (лат.)